

200-ЛЕТИЕ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ЛЮДВИГА ВАН БЕТХОВЕНА

НЕТ И НЕ МОЖЕТ быть табели о рангах среди великих музыкантов, если они истинно велики. Чайковский или Мусоргский, Равель или Стравинский, Дворжак или Гершвин, Шостакович или Прокофьев. Кто выше?

Но в музыкальном мире есть одна фигура, возвышающаяся над всеми, — Людвиг ван Бетховен. На грани двух веков — XVIII и XIX — она выскочила, обращенная одним своим ликом к прошлому, другим — к будущему. Все то, что гениальные музыканты прошлого — Палестрина, Лассо, Бах, Моцарт, Гайдн — внесли в сокровищницу искусства, все это вошло в сознание Бетховена, прожившего тридцать лет в веке восемнадцатом.

На просторах девятнадцатого столетия еще только оттаивала земля, еще не могучие дубы с буйной кроной шумели под прояснившимся небом, а только первые стрелы молодой зелени с надеждой пробивались из-под снегов, бурно таявших от пламенного дыхания Франции, призвавшей народы к борьбе за Свободу, Равенство и Братство, а Бетховен, по-орлиному вглядываясь в даль, видел, чувствовал, постигал дух, атмосферу, самый климат художественных и общественных идеалов грядущих поколений.

ВЕЛИКИЙ ГРАЖДДАНИН

МНОГИЕ факторы формировали личность Бетховена. С ранних лет горестного своего детства, один из «униженных и оскорбленных», он не мирился с пошлостью и прозой замшелого, унылого быта, в котором чинопочитание слыло основной добродетелью, грошовой философией жизненного поведения.

Сложенный атлетически, несмотря на небольшой рост, с упрямо сжатыми губами, с глазами, над которыми утесами нависали надбровные дуги, — он не был ни одной чертой внешности и характера похож на тех своих собратьев, которые, походя на «жирных пингвинов», выбирали для себя безопасные местечки-щели, куда можно забиться, где можно «переждать» великую грозу.

В формировании Бетховена решающим было воздействие самой эпохи, насыщенной революционным озоном, шквальными порывами военной бури. Ему было девятнадцать, когда пала Бастилия, когда с кафедры Боннского университета профессор Е. Шнейдер прочитал пламенные стихи:

«Разбиты цепи деспотизма,
Француз — свободный человек!».

В эти дни в Бетховене рождается новый строй идей, которые на всю жизнь станут путеводной звездой во всем: в творчестве, в личной жизни, в оценке событий, в оценке и переоценке людей, даже великих личностей.

В формировании великого музыканта, великого гражданина большую роль сыграли идеи нравственных добродетелей и мысль Жана Жака Руссо о подлинной добродетели, которую следует искать в среде простого люда, способного вырастить сильных, деятельных личностей.

Ненависть монархии и деспотизм, Бетховен с тревогой следил за перерождением сына провинциального адвоката Бернадота в короля Швеции; сына кучера — Лазаря Гоша — в одного из знатнейших вельмож Франции; сына трактирщика — Мюрата — в человека, уютно устроившегося на троне Неаполитанского королевства...

Тогда Бетховен мог бы крикнуть: «Пусть сильнее грянет буря!». Ибо им владели идеи революционного преобразования общества на основе справедливости, уважения к труду; в нем клокотала ненависть к коронованным и титулованным тунеядцам...

Вот музыка, вознесшаяся, подобно пламенеющим стягам, над жизнью, идейным миром, над творческими помыслами Бетховена:

На волю! — звала «Марсельеза». Бетховен услышал ее впервые еще в Бонне, незадолго до того, как навсегда покинул родной дом, родной край, Рейн. В Вену!

БЕТХОВЕНУ двадцать два года. Он полон энергии, самолюбив, уверен в себе, непочтитель. Все эти меценаты, всякие Эрцеди, Лихтенвские, Лихтенштейны — все они только «пристав-

ки» к пышным титулам, а не личности.

И в музыку Бетховена проникает новая, открытая манера искреннего выражения чувств. Бурное и непосредственное, а не задрапированное шелками, бархатом, кружевными жабо, как это принято было в XVIII веке. Уже в финале Первой сонаты, самой первой фортепианной сонаты, слышится биение взволнованного сердца человека, напоминающего героев Шиллера, героев эпохи «бурь и натисков».

Уже в Первой симфонии Бетховена: и фанфары, и маршевая поступь, и энергия, выхлестывающая через край партитуры. Музыка эта отражает действительность, ибо вся Европа в 1800 году — сплошной бивуак. Не по бою часов, не по крикам петухов-горлопанов, а под картуавую перекличку труб и дробный треск барабанов занимается утро в странах Европы.

В музыке той поры — не только отзвуки битв. В ней и глубокие чувства. Впервые человек-музыкант так глубоко заглянул в собственное сердце и поведal о тончайших градациях чувств, назвав свое повествование «Sonata quasi una fantasia» («Соната — почти фантазия»), позже иреименованную в «Лунную сонату». В ней и благоговение первой части, и загадочная, как улыбка Джоаконды, недосказанность второй части, и финал, полный взволнованных мыслей, желаний, страстного потока чувств.

Прометей, восставший против власти богов; благородный Эгмонт, отдавший жизнь за свободу родной Фландрии; верная и отважная Леонора, проникающая в темницу и спасшая томившегося там своего мужа Флорестана, — вот любимые герои Бетховена. Герои, как бы протянувшие друг другу руки и сжавшие их в крепком пожатии-клятве бороться против тирании. В свой круг они могли бы включить и Бетховена. Он — им под стать.

ВЭТУ БУРНУЮ эпоху их было трое; самых великих. Один — философ, другой — поведавший миру о страданиях молодого Вертера, а позже создавший нестершимую амальгаму поэзии и философии в «Фаусте». Третьим был Бетховен.

Гегель склонился перед «идеалом» фридриховской монархии. Гёте забывал в придворных кругах о своем истинном величии.

Самым последовательным, бескомпромиссным был Бетховен. Он не требовал никаких скидок на страшную беду, постигшую его в середине жизненного пути. Он ни на шаг не отступил от своих воззрений и идеалов, идеалов человека революционной эпохи, оптимиста, свято верящего в будущее. Удар, от которого и титан мог рухнуть, молитву судьбу о пощаде, проклять жизнь и все живое, этот удар — глухота — обрушился на Бетховена. Он выстоял. Он вступил в бой с судьбой. Он, по его же выражению, «схватил ее за глоток». И победил. Вот она, четкая поступь финала Пятой симфонии. Звучат отголоски песен и гимнов французской революции, солнце победы поднимается над горизонтом, и уже весь мир залит его лучами.

КОГДА создавались «Аппассионата», «Эгмонт», «Корриолан», когда, подобно сейсмическим процессам, из глубин мышления великого музыканта поднимались девять горных уступов, образую-

щих могущественный кряж бетховенского симфонизма, по всей Европе дымились пожарища наполеоновских войн. Но вот отгремели битвы. Черные покровы вороньих граев покрыли невозделанные поля. Человечество возросло молитвы о наивысшем благе — о мире. И Бетховен не молчал. Он твердо верил в то, что есть одна-единственная сила, которая может противостоять войне. И сила эта — братство людей. Тогда он решил обратиться к людям, к человечеству с патетической речью. Эта речь и есть Девятая симфония.

... Из неохватной безбрежности возникают первые, не ясные еще, почти лишенные материальной конкретности звуковые очертания. Постепенно звуковая материя уплотняется. И вдруг, как молния из грозного облака, вырывается на волю мелодия, полная гнева, воли, пафоса. Она родственна главной теме «Аппассионаты» и заключает в себе ведущую идею симфонии — идею могущества человека.

Из части в часть Бетховен развивает свою идею, развивает в столкновениях противоборствующих идей-мотивов, доводит конфликты до высших кульминаций, широко использует диалектический метод в музыкальном мышлении. Следуют напряженные, даже гневные диалоги; возникают воспоминания о темах, изложенных в предыдущих частях симфонии. Наконец воцаряется тишина. Оказывается, и тишина может быть в симфонии могущественным средством воздействия на слушателей.

И в этой невероятной тишине виолончели и контрабасы запевают начальные такты Гимна радости. Так и кажется, что глухо звучащий запев еле высорывается на фоне хмурых облаков преддawnного неба. Музыка разгорается и с нею светлеет небо: Вступают солисты, хор:

«Встанем вместе, миллионы!
Всех живых ждет час борьбы!
В мире есть еще рабы,
Наших братьев слышны стоны!
Братьев стоны — зов народный!
Мы идем на помощь к ним,
Жизнь и счастье им дадим,
Вечно будет мир свободный...».

В первый раз девятый вал бетховенского симфонизма вознесся в мае 1824 года. Симфонию приняли как произведение актуальнейшее, ибо проблемы войны и мира, могущества Человека волновали всю Европу.

Народы только еще возвращались к трудам и жизни мирного времени, когда с высоты симфонической трибуны к ним со страстным призывом обратился великий гражданин Бетховен.

РОВНО через сто лет после рождения Бетховена, в городе на Волге родился Владимир Ильич Ленин. Не покой и благополучие, а битва за счастье человечества, за коренное переустройство мира на основе законов, открытых двумя его предшественниками, к которым он, Ленин, добавил целый свод им открытых законов реально развивающейся социалистической революции.

«Поразительная, нечеловеческая музыка. Готов ее слушать каждый день», — говорил он о музыке Бетховена, о его «Аппассионате». Не мог великий вождь нового, революционного мира не почувствовать родственную душу в том, кто на грани XVIII и XIX веков призвал народы к битве за высокие идеалы справедливого переустройства мира и судьбы человечества.

Леонид ЭНТЕЛИС.